

Человек разумный экономический

О.А. ДОНСКИХ, зав. кафедрой философии НГУЭУ, главный редактор журнала «Идеи и идеалы», Новосибирск. E-mail: olegdonskikh@yandex.ru

«"Экономический материализм" не есть философская истина, а прежде всего психологический симптом эпохи».

Б.П. Вышеславцев

«Идея, что индивидуумом управляет личный интерес и что его поведение – это доведенный до максимума расчет, не осталась уделом одной лишь экономики. На самом деле установилась общая экономика человечества, согласно которой все человеческие отношения подчинены личной выгоде».

К. Лаваль

В статье анализируются различия между двумя видами капитализма – рациональным и авантюристическим, и показано, что именно авантюристический капитализм формирует то специфическое сознание, которое позволяет определить современного человека как *Homo Oeconomicus*. Отдельно рассматривается специфика индивидуализма и рационализма применительно к процессу формирования подобного типа человека.

Ключевые слова: капитализм, индивидуализм, рационализм, толерантность, *Homo Oeconomicus*

Капитализм в его исторической специфике

Можно достаточно уверенно утверждать, что за последние полтора века крупнейшие социальные мыслители рассматривали капитализм в качестве основного движущего и организующего фактора современной жизни. При этом, несмотря на серьезные расхождения в понимании капитализма (достаточно сравнить Маркса и Вебера), все исследователи согласны в том, что капитализм, будучи системой экономической, в обязательном порядке захватывает также политику и идеологию, приобретая всеобщий характер. Это связано с тем, что капиталистическая деятельность в настоящее время невозможна без поддержки государства, гарантирующего неприкосновенность института частной собственности, определенных политических свобод и независимой юридической системы.

Именно капитализм в своем росте и развитии за последние четыреста лет радикально изменил не только способы существования значительного количества людей на нашей планете, но и социальные отношения и триумфально утвердился в качестве наиболее успешной политической системы. «Мировые эксперименты с другими системами – включая катастрофический опыт с коммунизмом и фашизмом в двадцатом веке – привел к почти единодушному консенсусу в начале двадцать первого века, что демократический капитализм является идеологией, выбранной во всем мире» [1. Р. 33].

Забавно, что в данном высказывании Ал Гор говорит о «демократическом» капитализме, т. е. в первую очередь о политической идеологии и практике, органичной данной экономической системе. Очень показательным, что при обсуждении преимуществ капитализма идет постоянное смешение экономического, политического и идеологического аспектов. Это, разумеется, не случайно, поскольку они теснейшим образом взаимосвязаны. Ал Гор в качестве основных преимуществ капитализма в сравнении с другими системами называет «значительно большую эффективность в распределении ресурсов и установлении соответствия между предложением и спросом, значительно большую эффективность в создании изобилия, и он значительно лучше соответствует более высоким уровням свободы» [1. Р. 33]. Если первые два качества характеризуют капитализм именно как экономическую систему, то свобода подразумевает демократию, т. е. политику и идеологию.

Макс Вебер говорит о том, что всему миру известен авантюристический капитализм, представители которого либо ориентировались на насилие в разных формах, либо в своей деятельности вели себя иррационально-спекулятивно. Вебер указывает на то, что наряду с этим типом капитализма «Западу *нового времени* известен и другой, нигде более не существовавший, – рациональная капиталистическая организация *свободного* (формально) труда. В других странах существовали лишь отдельные предпосылки подобной организации. ...Что касается свободного труда, то за пределами Запада мы лишь в отдельных случаях располагаем данными о наличии “домашней промышленности”, повсеместно же применение труда наемных работников не только не привело к созданию мануфактур, но даже не создало рациональной организации для обучения ремеслу наподобие средневековых

цевов Запада» [2. С. 50–51]. Рационализм, направленный на организацию производства, как ключевая черта капитализма позволяет объяснить многие особенности современного общества¹.

В то же время возникает вопрос, исключает, вытесняет ли рациональный капитализм тот авантюристический, который существовал до него? Если да, то как объяснить появление социалистической и коммунистической идеологии, в частности марксизма, критика которого направлена вовсе не на рациональность или профессионализм, а на иррациональную жажду наживы любой ценой, проявляющуюся в сфере распределения, а затем захватывая другие сферы, включая идеологию.

Другой вопрос, что социализм противопоставляет себя капитализму, исходя из чисто экономических установок. Это, в частности, обусловило его слабость. Освальд Шпенглер справедливо пишет, что «от Смита и до Маркса речь здесь идет исключительно о самоанализе экономического мышления одной-единственной культуры, причем на одной-единственной ее ступени. Анализ этот насквозь рационалистичен и потому исходит из *материи* и ее условий, потребностей и стимулов, вместо того чтобы отталкиваться от *души* родов, сословий, народов и их формирующей силы. Он рассматривает человека в качестве придатка ситуации и абсолютно ничего не знает о великой личности и формирующей историю воле отдельных людей и целых их групп, воле, которая усматривает в экономических фактах средства, а не цели» [4. С. 497]. И уже XIX век демонстрирует все усиливающуюся тенденцию в духовной жизни, которая проявляется в сведении жизни и сущности человека к чисто экономическим закономерностям.

Несмотря на длительную борьбу за социальную справедливость, в «Датском королевстве» не все ладно. В своей книге «Капитал в XXI веке» Томас Пикетти доказывает, что избыточная концентрация богатства в европейских странах объясняется тем, что экономика растет более медленными темпами, чем уровень доходности капитала [5]. Пол Кругман в своем комментарии

¹ Надо сказать, что понятие рационализма и его общественная роль довольно широко обсуждаются в последнее время, в том числе и в работах видных экономистов, поскольку даже само представление о рациональности в разные исторические периоды и в разных культурах существенно отличается. Однако в настоящей статье оригинальность может быть усмотрена не в новом понимании рационализма, а в том сочетании ключевых понятий, которое позволяет увидеть рационализм в новом аспекте [3. С. 18–28].

на книгу Пикетти пишет, что «...до 1980-го года доходы семей во всех слоях общества так или иначе увеличивались по мере роста экономики страны в целом. Однако после 1980 г. львиную долю доходов стали получать граждане, которые стоят в верхней части шкалы распределения доходов, а семьи, расположенные в нижней части этой шкалы, по уровню дохода стали сильно отставать» [6].

В Европе ситуация несколько сглажена, но тенденция та же. Это означает, что за пределами рационального капитализма сохраняется капитализм авантюристический. В частности, Кругман указывает на тот факт, что используемая экономистами статистика «не учитывает в полной мере, или же полностью упускает из виду те доходы, которые достались горстке самых состоятельных граждан, обосновавшихся на самом вершине шкалы доходов» [6]. Они на весьма существенную долю оказываются вне государственного учета. Если мы сюда отнесем еще и мафиозные структуры, значительные доходы которых идут мимо государственных институтов, то капитализм выглядит вовсе не таким рациональным.

О разделении капиталистического труда

Обратимся к анализу двух факторов, которые играют здесь решающую роль: 1) ситуацию, когда деньги начинают работать сами на себя, отрываясь от рынка, 2) перераспределение власти между существующими институтами под влиянием и в пользу экономических приоритетов.

В разделе «Капитализм у себя дома» своего известного труда «Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.» Фернан Бродель говорит о разделении труда на определенном этапе развития торговых отношений, когда возникает неравенство между теми, кто торгует на внутреннем рынке, и теми, кто начинает манипулировать финансовыми потоками. «Все торговые сообщества немного раньше или немного позже создали ... иерархии, нашедшие отражение в повседневном языке». Это «таджиры» исламского мира, «содагор» в Индии Великих Моголов, «катари» в Испании, «негоциант» в Италии и т. д. [7. С. 373]. Разница между торговцами на низшем и верхнем уровнях состояла в неспециализированности верхов. Негоциант занимается если не всем, то многим. В качестве примера Бродель приводит миланскую фирму Антонио

Греппи, характеризуя ее деятельность в конце XVIII в. «Будучи в принципе банком, эта фирма занималась также табачными и соляными откупами в Ломбардии, закупкой в Вене, и в огромных количествах, идрийской ртути для короля Испанского. Однако же она ничего не вкладывала в эту промышленную деятельность. Точно так же ее многочисленные филиалы в Италии, Кадисе, Амстердаме и даже в Буэнос-Айресе были вовлечены в многообразные, но исключительно торговые дела ... И не будем забывать систематическое использование при торговле векселями всех контрактов, которые огромный коммерческий рынок в Милане поддерживал с различными денежными рынками мира. Надо ли добавлять к этому такую попросту контрабандную операцию, как торговля слитками американского серебра, незаконно грузившимися на суда в Кадисе?» [7. С. 376–377].

Рациональное разделение труда оказывается ниже уровня интересов негодичанта. За счет возможности свободной переброски средств и наличия собственных и кредитных резервов такой капиталист практически всегда остается на плаву. Это наблюдалось как три века назад, так и сейчас. Бродель пишет о негодичанте, что «...в Англии, в Лондоне и во всех активных портах он утверждался с XVII в., будучи в выигрыше в довольно трудные времена» [7. С. 378].

Пикетти показывает, что та же тенденция сохраняется и сейчас. Можно вспомнить, как увеличилось количество миллиардеров в России, вступившей на капиталистический путь, во время финансового кризиса 2008 г. и отметить тот же простой факт для 2015 г. [8]. Да и производительность труда растет более медленными темпами, чем доходы наиболее богатых людей планеты.

Торговые сети и новое сознание

Для нас здесь наиболее важно то, что капитализм этого уровня, капитализм неспециализированный, ориентированный исключительно на рост богатства (мы дальше именно его будем называть просто авантюристическим капитализмом в противоположность капитализму рациональному) принципиально выходит за культурные и национальные ограничения. Постепенно к концу XVIII в. возникла всемирная торговая сеть, объединившая сложившиеся ранее торговые сети Запада и Востока. Итальянцы, начиная с конца XI в., осваивают всю Европу. «Они были везде – умные, живые, несносные для других, предмет ненависти

в такой же мере, как и предмет зависти. В северных морях – в Брюгге, Саутгемптоне, Лондоне – матросы со средиземноморских кораблей-мастодонтов заполнили набережные и портовые кабаки, как итальянские купцы заполнили города» [8. С. 142]. Можно вспомнить о торговых сетях армянских купцов, которые охватили громадные пространства.

Именно представители этого уровня капитализма оказываются финансово связанными с другой наднациональной сетью, уже политической – правящими династиями. Здесь можно для примера вспомнить о роли семейства Барди, финансировавших английских королей в Столетнюю войну с Францией, о Медичи, которые из купцов сами вышли на высший политический уровень и породнились с испанскими и французскими правящими домами, Фуггеры вели свои дела в тесной связи с Габсбургами, и что уж говорить о политических амбициях Ротшильдов или американских миллиардеров, таких как Морганы и Рокфеллеры...

Зомбарт, говоря об интернациональной сети, созданной еврейскими купцами, объясняет специфику ведения ими дел тем, что их воспринимали как обманщиков, тогда как в действительности речь должна идти о другом: они находились вне определенного социума и оказывались чужаками, со всеми вытекающими отсюда последствиями. «Когда говорят об “обмане”, то скорее имеют в виду тот факт, что ведя свои торговые дела, евреи не всегда считаются с принятыми правовыми и нравственными нормами. Таким образом, еврейские деловые круги отличались нарушением определенных традиций, принятых в христианском деловом мире, нарушением закона (в редких случаях), и прежде всего попранием “добрых нравов” купечества. ... Борьба между еврейскими и христианскими торговцами по существу представляет собой борьбу двух мировоззрений или по меньшей мере двух принципиально различных или же противоречащих друг другу представлений об экономической деятельности» [9. С. 271–272].

Но та же ситуация возникала при проникновении купцов других национальностей в другие страны света. Капитал, возраставший ради самого себя, оказывался чуждым культуре и создавал свою среду. Одним из наиболее ярких примеров абсолютного цинизма являются опиумные войны, которые Англия вела против Китая за право продавать опиум. Попытка национального государства защитить своих подданных вызвала войну.

«Меньшинство – это как бы заранее построенная, и прочно построенная, сеть. Итальянцу, который приезжал в Лион, чтобы обосноваться, нужны были только стол и лист бумаги, чему французы удивлялись. ... Точно так же в Лейпциге или Вене ... нельзя было не подивиться преуспеянию иноземных купцов, людей из Нидерландов, французских беглецов после отмены Нантского эдикта, ... итальянцев, савойцев, уроженцев Тироля. Тут почти не бывало исключений: удача была на стороне чужака. Происхождение связывало его с далекими городами, рынками, странами, которые сразу же вводили чужеземца в дальнюю торговлю, торговлю крупную» [7. С. 155]. Бродель говорит о роли меньшинств-завоевателей, которые были вне культуры и родственных связей тех обществ, где они вели свои дела, и сама социальная ситуация вынуждала их образовывать собственные сети. Но как раз это и означает, что они были вне ценностных ориентаций национальных культур и жили в соответствии с собственным менталитетом.

Таким образом, деньги начинают работать сами на себя, когда оказываются в собственности или распоряжении сообществ, отчужденных от конкретных социумов. Специфической чертой деятельности этих сообществ оказывается, наряду с отсутствием специализации, создание своих правил игры, основанной на индивидуализме. «На протяжении всех веков еврей, противостоявший господствовавшим воззрениям на экономику, олицетворял собой принципиально индивидуалистический подход к хозяйствованию: сфера действия отдельного экономического субъекта ни снизу, ни сверху никак не ограничивается какой-либо объективной нормой, ни объемом сбыта, ни проведением границ между различными профессиями; каждый экономический субъект во всякое время заново определяет и завоевывает свое место и во всякое время защищается от посягательств извне; он имеет право завоевывать за счет другого экономического субъекта такое экономическое пространство, какое только может; средства борьбы, в основном, сосредоточены в интеллектуальной сфере ... Таким образом, мы видим, что здесь победоносно шествует идея “свободной торговли”, “свободной конкуренции”, торжествует экономический рационализм, дух сугубо капиталистического предпринимательства и как раз то современное понимание экономики, в становлении которого евреи сыграли очень большую и, быть может, определяющую роль, поскольку именно они привнесли все эти воззрения

в иной круг идей» [9. С. 315–316]. В той или иной степени эти черты характеризуют как другие торговые меньшинства, так и авантюристический капитализм в целом.

Ориентация лишь на получение прибыли, индивидуализм и свободную торговлю – Зомбарт показывает, насколько этот подход, кажущийся сейчас вполне естественным, противоречил отношениям продавца и покупателя в начале Нового времени. Раньше реклама своего товара запрещалась. Конкуренция, когда один продавец пытался переманить покупателя на свою сторону, да еще с помощью рекламы (которая считалась нечестным приемом) – тоже. Запреты, позволявшие жить более или менее уверенно, постепенно нарушались и преодолевались представителями крупного капитала. Это, конечно, существенно другой способ экономически мыслить. Если на уровне рационального капитализма речь может идти об интересах страны, и его мышление национально, то авантюристический капитализм выходит за любые культурные и политические рамки и мыслит глобально. Он глобализуется и формирует мышление общества под себя. Он не гнушается рабством, если оно приносит выгоду. Войной, если чувствует свою ограниченность на территории другого государства. И здесь речь может идти не только об освоении Нового Света. Он постоянно действует на грани и частично за гранью закона, покупая и подкупая тех, кто обеспечивает его правовое оправдание.

Два вида индивидуализма

Здесь необходимо проанализировать понятия индивидуализма и рациональности, которые лежат в основе капиталистической идеологии. В связи с этими понятиями можно вспомнить Д. Белла: «В основании существующего общества лежат индивидуализм и рыночная рациональность, и громадное многообразие целей, которые ставят перед собой отдельные лица, может быть максимизировано путем свободного обмена» [10. С. 403]. Начнем с первого. Стоит обратить внимание на специфику этого торгового индивидуализма. Это индивидуализм, определяемый свободой перехода от одного вида деятельности к другому (будем называть его «индивидуализмом внешней свободы»). Он оказался комплементарным протестантскому индивидуализму, описанному Вебером, в основе которого лежит идея индивидуального спасения личной верой, не опосредованной церковью

(назовем его «индивидуализмом внутреннего поиска»). Церковь лишь гарантирует добропорядочность одного из своих членов в случае его обращения за кредитом.

Но это совершенно разные виды индивидуализма. У них разная направленность, – в первом случае на мир, во втором – на себя. В первом случае индивидуализм гарантируется общиной соплеменников или единоверцев, а (уже в современном обществе) в конечном счете государством, во втором – углублением в себя и внутренним бегством из общины. Первый ориентирован на политику, на преобразование мира под свои интересы, второй – на преобразование себя. Первый максимально рационален с точки зрения подчинения всего получению максимальной прибыли, второй максимально иррационален, поскольку ориентирован на жизнь в миру ради спасения своей души.

В то же время эти два типа индивидуализма в своем общем влиянии трансформируют общество. Первый задает универсальность, борясь с конкретными культурными формами. Второй же рассыпает общество, расчищая дорогу влиянию первого. В результате экономические отношения становятся все более жесткими, тогда как культурные – индивидуализируются, позволяя сознанию мириться с ними.

Это объясняет парадокс, сформулированный Д. Беллом: «В XIX и в начале XX века в Америке процветал индивидуализм в экономике и регулирование в сфере нравов; сейчас же мы имеем регулирование в экономике и индивидуализм в сфере нравов» [10. С. 655]. В конечном счете, второй вид индивидуализма под влиянием первого вырождается в эгоизм, находящий свое оправдание в идеологии либерализма, т. е. в утверждении первичности индивида по отношению к обществу. Это объясняет, в свою очередь, идеологию первичности прав личности по отношению к ее обязанностям.

Таким образом, авантюристический капитализм, будучи неспециализированным, возникает и развивается на основе растущей специализации более низкого уровня. А затем, работая на себя, он эту специализацию максимально усиливает. В результате специализация доходит до полного подчинения работника, принципиально исключая индивидуализм, опирающийся на свободу выбора. Управление людьми и процессами отделяется от человека и становится самостоятельной деятельностью.

В начале XX века вместе с системой Тэйлора появляется удивительный слой населения, совершенно немыслимый до второй индустриальной революции – менеджеры-управленцы. Их работа – «максимизация выпуска с минимальными затратами времени, труда и капитала превратилась в непреходящий атрибут каждого аспекта жизни современного общества» [11. С. 160–161]. Под эту задачу было перестроено образование. «Школы взяли на себя двойную задачу – воспитание грамотной рабочей силы и подготовка ее к службе в авторитарных и централизованных компаниях, где ей предстояло принимать приказы сверху и оптимизировать выпуск на своем уровне наиболее эффективным образом, не подвергая сомнению власть, под началом которой она трудится» [11. С. 161].

Эта ситуация, безусловно, является выражением разделения на управляющих и управляемых – власть в руках капиталистов, от их имени управляют менеджеры, а низший слой должен быть послушным и трудолюбивым.

Рационализм в охоте за выгодой

Что касается рационализма как характеристики капиталистического типа мышления, то здесь также стоит поставить ряд вопросов. Так, можно ли говорить о рационализме вообще как таковом? Только в том случае, если мы будем различать разные виды рационализма. Рационально организованное предприятие – это одно; рационально выстроенная логистика – это другое; рационально высчитанная ситуация, когда в результате голода в какой-то стране цена на продовольствие будет высокой, и придерживание товара до соответствующего момента – это третье; рационально учтенная ситуация отсутствия контроля в определенной сфере и соответствующий сброс некачественного товара – это четвертое; рациональное подталкивание правительства к войне при получении права на военные поставки – это пятое, и т. д.

Поскольку именно авантюристический капитализм выводит сознание на наднациональный уровень, он естественным образом порождает идею толерантности, принимающей идею относительности любой культуры. Толерантность ведет к доминированию субъективного разума, замещающего разум объективный. Рационализм замыкается на практику и на успех, отказываясь от поиска единой истины в пользу толерантности.

Хоркхаймер, который считал толерантность чисто буржуазной идеей, кровно связанной с капитализмом, пишет: «С одной стороны, толерантность означает свободу от догматического авторитета; с другой же – она укрепляет нейтральное отношение к его духовному содержанию, которое тем самым релятивизируется. Всякая культурная область сохраняет свой “суверенитет” в отношении универсальной истины. Структура общественного разделения труда автоматически переносится в жизнь духа. Это разделение в сфере культуры – прямое следствие вытеснения всеобщей объективной истины формализованным внутренне релятивистским разумом» [12. С. 25]. Истина как таковая перестает быть чем-то важным. Важна лишь относительная сиюминутная истина. «Всякая мысль должна доказывать свое право на то, чтобы быть мыслимой, должна, так сказать, иметь алиби или, иначе говоря, представить подтверждение своей практической целесообразности» [12. С. 61].

Провозглашенный Марксом поворот к практике вполне укладывается в это представление: успех наших действий не гарантируется истинностью наших идей, а наоборот – истинность наших идей гарантируется успехом наших действий. Как пишет Хоркхаймер: «В большинстве случаев быть разумным означает ... соответствовать действительности – такой, какая она есть» [12. С. 15]. Это значит, что человек делает разумные выборы в предлагаемых условиях. Выбор есть там, где есть свобода. Но на среднем уровне свободы практически нет. Получается, что успех – это результат деятельности на верхнем уровне. А на среднем уровне успех сводится к выигрышу.

Психология современного среднего обывателя капиталистических стран строится на стремлении выиграть. Игра, а не постоянный труд – естественное стремление, позволяющее вырваться из рутины заданной повседневности. Отсюда страсть к лотереям, казино и т. п. Отсюда же глубоко противоречащее рациональности убеждение, что везение – это данный свыше дар, необходимый для того, чтобы преуспеть в бизнесе. Успех в бизнесе – это, конечно, рационально выстроенная стратегия, но везение еще важнее. Очевидно, что в рамках цеховой организации передача ремесленных и деловых знаний от отца к сыну ни в коем случае не предполагает везения, здесь необходимы усердие, освоение жестких правил и трудолюбие.

Именно индивидуализм внешней свободы реализуется в процессе охоты за выгодой как таковой. Бернард де Мандевиль в свое время определил экономическую деятельность исключительно через стремление к личной выгоде. Он написал свою знаменитую «Басню о пчелах» для того, чтобы «... продемонстрировать низменные свойства отдельных частей, составляющих вместе ту благотворную смесь, каковой является хорошо организованное общество; цель всего этого – превознести чудесную силу политической мудрости, с помощью которой из самых презренных частей создан такой великолепный механизм» [13. С. 46–47]. Более того, если каждый человек и всё общество в целом начнут стремиться к добродетели, а не к выгоде, то общество придет в удручающе убогое состояние.

Это, конечно, ёрничество, но за ним скрывается важнейшая тенденция эволюции современного общества. Это великолепная иллюстрация действия «невидимой руки», которая, согласуя бесчисленные частные интересы, выстраивает хорошо работающее целое. Стремление к личной выгоде берется в качестве определяющей черты *homo sapiens*. Адам Смит ничтоже сумняшеся говорит о том, что один избирает себе путь оружейника, другой – плотника – все в соответствии со своими рационально понятыми интересами. Он исходит из того, что в основе экономической деятельности всегда лежит стремление к прибыли: «Не от благожелательности мясника, пивовара или булочника ожидаем мы получить свой обед, а от соблюдения ими своих собственных интересов. Мы обращаемся не к гуманности, а к их эгоизму и никогда не говорим им о наших нуждах, а лишь об их выгодах» [14. С. 28].

Именно это соображение, взятое им из жизни современной ему Англии, Смит проецирует на все прошлое человечества, рассуждая о человеке, делающем луки и стрелы лучше других и поэтому начинающего их выменивать для своей выгоды: «Соображаясь со своей выгодой, он делает изготовление луков и стрел своим главным занятием и становится таким образом своего рода оружейником» [14. С. 28]. Другой становится плотником и т. д. Все из-за личной выгоды. По сути дела Смит предполагает, что поиск выгоды характеризует отдельного человека с самого начала его существования как вида, фактически представляя его как индивидуального предпринимателя.

Кроме того, Смит предполагает, что этот абстрактный предприниматель действует в условиях определенной свободы, позволяющей ему реализовывать свои способности. Здесь нет смысла критиковать данный подход, это было сделано еще Вебленом, который показал, что взаимодействия субъектов экономических отношений не сводятся ни к полезности как таковой, ни к рациональной калькуляции всех действий.

Поскольку индивидуализм внешней свободы гарантируется государством, а не взаимоотношениями людей, меняется отношение к морали. Это связано еще с одной чертой авантюристического капитализма – ориентацией на безличность. Капитализм рациональный до определенной степени вписывался в феодальные отношения, которые строились на основе личной преданности. В любом случае он реализовывал свою продукцию в громадном большинстве случаев через местный рынок. Образ негоцианта периода становления капитализма выстраивался на примерах названных «меньшинств-завоевателей». По мнению Габриэля Ардана, его черты таковы: «Человек экономический не обладает чувствами привязанности к себе подобным, он желает видеть перед собой лишь других экономических агентов, покупателей, продавцов, заимодавцев, кредиторов, с каковыми у него в принципе чисто экономические отношения»².

Отсюда вытекает еще одна важная особенность экономического сознания – безличность, уход от личных отношений к экономически-правовым. Даже когда эти меньшинства в конечном итоге интегрировались с остальным населением, безличные отношения оказывались перенесенными ими на самих себя (поскольку причина отчуждения от остальных исчезала). А по мере развития капитализма и урбанизации подобные безличные отношения распространились на большинство населения. Специфика права по отношению к морали состоит в том, что соблюдение правовых отношений гарантируется государством, тогда как мораль строится на отношениях людей помимо государства. Это означает, что государство все больше и больше вовлекается даже в межличностные отношения. При социалистическом строе это происходит более активно, при капиталистическом – менее, но в любом случае отражает вполне определенную тенденцию развития общества, построенного на идее примата экономики.

² Цит по: [7. С. 153–154].

Современное экономическое мышление строится на постоянной необходимости выбора. Предполагается, что человек сознательно выстраивает траекторию своего поведения, осуществляя на каждом этапе серьезные или менее значительные акты выбора. Это касается профессии, места жительства, супруга, магазина, дома, чашки утреннего кофе или чая, места отдыха... Пол Хейне говорит, что важнейшей предпосылкой экономического мышления является то, что «экономическая теория пытается объяснить социальные явления, предполагая, будто события складываются из множества отдельных актов выбора, совершаемых людьми» [15. С. 28]. Раз есть выбор, значит, есть критерии, которые позволяют человеку этот выбор сделать. Человек оценивает ситуацию и делает соответствующий его критериям выбор.

Homo Oeconomicus

Что это означает в свете выше приведенного тезиса Белла о том, что выбор в области экономики сокращается, замещаясь возможностью выбора в сфере культуры? Это означает, что система выстраивается таким образом, чтобы исключить действие свободной воли, но не прямым распределением экономических обязанностей, а косвенным – через систему образования, финансирования, администрирования. Выбор оказывается примерно таким же мифом, как равная возможность для каждого стать президентом страны. Регулирование замещает здесь традицию. Мы опять сталкиваемся с разными основаниями, на которых строится выбор, осуществляемый субъективным разумом.

Регулирование реализуется, в частности, через ориентацию на профессионализм. Когда мы говорим о *Homo Oeconomicus*, мы подразумеваем тип человека, который принимает основные принципы материалистически ориентированного рационально организуемого общества за абсолютную данность.

Парадокс в том, что такой тип человека начинает формироваться в процессе религиозной Реформации XVI в., что специально проанализировал Макс Вебер³. Он показал, что постепенно гарантией состояния религиозной избранности для все большего количества людей становятся не отпущение грехов и отдельные

³Бродель говорит о том, что подобный тип мышления встречается до Реформации. Однако в любом случае в массовом порядке он развивается после нее, и тогда Вебер прав.

подвиги веры (идеал монашеской жизни), а утверждение избранности через особое поведение, отличающее избранника от «природного» человека. «На этой основе у отдельного человека возникал импульс к методическому контролированию своего поведения ...и тем самым к его аскетическому преобразованию». И это было не в монастыре, а в миру. «*Рационализация жизни в миру, ориентированная на потустороннее блаженство, была следствием концепции профессионального призвания аскетического протестантизма*» [2. С. 183]. Именно здесь мы находим еще одну особенность современной жизни, которая также определяет специфику экономически ориентированного мышления, – профессионализм.

Уходит в прошлое гармонический человек, на его место приходит профессионал. «Пуританин *хотел* быть профессионалом, мы *должны* быть таковыми. Но по мере того, как аскеза перемещалась из монашеской кельи в профессиональную жизнь и приобретала господство над мирской нравственностью, она начинала играть определенную роль в создании того грандиозного космоса современного хозяйственного устройства, связанного с техническими и экономическими предпосылками механического машинного производства, который в наше время подвергает неодолимому принуждению каждого отдельного человека, формируя его жизненный стиль, причем *не* только тех людей, которые непосредственно связаны с ним своей деятельностью, а вообще всех ввергнутых в этот механизм с момента рождения» [2. С. 206]. В настоящее время эта тенденция хорошо видна в перестройке высшего образования, которое принципиально ориентировано на подготовку профессионалов, а не на развитие личности.

Здесь опять мы сталкиваемся с двумя противоположно направленными векторами, как это было в случаях с индивидуализмом и рационализмом. Объяснением этого является столкновение двух разных мировоззрений, а это означает, что за данными мировоззрениями стоят как минимум две различные социальные сети. Собственно говоря, из вышесказанного вытекает, что одно мировоззрение формируется «меньшинствами-завоевателями» (Бродель), а второе – представителями национальных государств. Они создают разные экономические системы, обеспечивающие разные интересы, но естественным образом взаимодействующие между собой. Можно сказать, что одна из них надстраивается

над первым, паразитируя на сложившихся связях и обменах. Как и в случае с биологическими паразитами, оно может быть полезно для организма, но может быть и исключительно вредным. Отделившиеся от непосредственных экономических отношений финансовые потоки начинают работать сами на себя. Именно это направление и можно назвать сугубо экономическим, именно оно подстраивает общество и все отношения в этом обществе под себя, создавая тип *Homo Oeconomicus*.

Литература

1. Gore A.I. The Future. Six Drivers of Global Change. – New York: Random House, 2013.
2. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.
3. Антипов Г.А. Должны ли государством управлять философы? // Ценности и смыслы. – 2009. – № 1.
4. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы. – М.: Мысль, 1998. – 606 с.
5. Пикетти Т. Капитал в XXI веке. – М.: AdMarginem, 2015. – 592 с.
6. Krugman P. Why We're in a New Gilded Age // The New York Review of Books. – 2014. – 8 May. Issue. URL: <http://www.nybooks.com/articles/archives/2014/may/08/thomas-piketty-new-gilded-age/?insrc=whc>
7. Бродель Ф. Игры обмена // Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 2. – М.: Прогресс, 1988. – 632 с.
8. Кризис в России привел к росту числа миллионеров и миллиардеров // Экономика / 24.07.15. URL: <http://newdaynews.ru/economy/538841.html> (дата обращения: 20.11.2015) .
9. Зомбарт В. Евреи и экономика // Зомбарт В. Собрание сочинений в трех томах. Т. 2. – СПб.: Владимир Даль, 2005. – 653 с.
10. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Academia, 2004. – CLXX. – 788 с.
11. Рифкин Дж. Третья промышленная революция: Как горизонтальные взаимодействия меняют энергетику, экономику и мир в целом. – М.: Альпина нон-фикшн, 2014. – 410 с.
12. Хоркхаймер М. Затмение разума. К критике инструментального разума. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2011. – 224 с.
13. Мандевиль Б. Басня о пчелах. – М.: Мысль, 1974.
14. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. – М.: Соцэкгиз, 1962. – 676 с.
15. Хейне П. Экономический образ мышления. – М.: Изд-во «Каталаксия», 1997. – 704 с.